

«СОРТАВАЛЬСКИЕ ПАРАДОКСЫ»

Исследование посвящено увлекательной, порой драматической истории города Сортавала, получившей в 2015 г. материальное отражение на стационарной музейной выставке «Sordwall. Сердоболь. Sortavala. Сортавала» подготовленной НМРК. Экспозиция, охватывающая основные этапы развития города, состояла из трёх разделов: «Экскурс в прошлое», «Тайна камня» и «Великие имена», была сформирована на фондовых коллекциях НМРК, Регионального музея Северного Приладожья, музея Института геологии Карельского научного центра РАН, а также на подлинных предметах частных собраний¹.

Биография города на берегу Ладоги, безусловно, наполнена исторической интригой. Начиная с XVII в. Сортавала находилась в зоне противоборства Московского царства, а затем Российской империи со Шведским королевством. В XX в. за Сортвалу сражались Советский Союз и Финляндия. Сегодня город, расположенный вблизи Санкт-Петербурга и государственной границы с Финляндией, является своеобразным российским «окном» в страны Фенноскандии.

Выставка Sordwall. Сердоболь. Sortavala. Сортавала. НМРК.
Автор М.Ю.Данков. 2015–2016.

Считается, что первые люди пришли на северный берег Ладоги примерно 9000 лет назад. В начале XX в. около Сердоболя, у местечка Мейери, при добыче торфа обнаружили стоянку древнего человека эпохи мезолита. Среди археологических находок оказались каменные и костяные орудия, соотносимые с культурой суомусьярви². Через столетие, на одной из террас оз. Янисьярви, археологическая экспедиция НМРК исследовала другой памятник с мощным раннемезолитическим слоем, названный Киркколаhti I. Радиоуглеродный анализ материалов стоянки существенно «состарил» время появления человека в этом районе. Сейчас редкая коллекция, состоящая из 27 тыс. преимущественно кварцевых предметов, находится в фондах НМРК (КГМ-57563)³.

С середины I тысячелетия н.э. на эти земли стали проникать разрозненные группы карельского населения, главным образом – охотники и рыболовы. В эпоху крестовых походов и раннего Средневековья здесь возникли административные центры Корела (Кякисалми), Тиверский городок на Вуоксе, а в районе слияния рек Тохмайоки и Хелюлянийоки поселенческий центр Паасонвуори (Паасо). Датировка овально-выпуклых и подковообразных фибул, бус, навершия меча и ювелирных изделий, обнаруженных археологической экспедицией ИЯЛИ КарНЦ РАН под руководством С.И. Кочкуриной, позволила датировать карельское городище Паасо X–XII вв⁴.

Ко времени Новгородской боярской республики относится образование на о. Риеккалансаари (Нукутталахти) напротив будущего города, православного Никольско-Сердобольского погоста. Название острова на Ладожском озере происходит от карельского слова «крейкала», означающего «греческое место». Скорее всего, начальная Никольская церковь погоста была возведена в конце XIII в. Косвенно об этом свидетельствуют украшения XII–XIII вв. из клада в д. Рантуэ, который в 1922 г. обнаружили на западном берегу о. Риеккалансаари⁵.

Первое упоминание церкви «Николы Великого» на погосте содержится в тексте «Переписной окладной книги Водской пятины» письма Д. Китаева и Н. Моклокова и относится к 1500 г. Ныне сохранившийся храм св. Николая Чудотворца перестроен в 1765 г., но, безусловно, является преемником первых православных церквей Северного Приладожья. В наше время Русская православная церковь после эпохи атеистического поругания восстановила исторический храм и превратила территорию древнейшего карельского погоста в подворье Валаамского монастыря.

В 1597 г. Тязинский мирный договор со Шведским королевством закрепил карельские земли Приладожья за Россией. Однако в Смутное время Корельский уезд захватил неприятель и по Столбовскому договору 1617 г. территория Ынгрии, Карельского перешейка перешла под власть Стокгольма. Среди экспонатов на выставке, безусловно, выделяется изображение древнейшего герба Шведской Карелии 1562 г., которое сейчас находится в рукописном собрании *Bibliothèque Nationale* в Париже.

Часть населения Никольско-Сердобольского погоста мигрировала в глубь России и стала называться верхневолжскими или тверскими карелами. Король Густав II Адольф, стремился «пометить» стратегическое пространство на востоке и в 1628 г. завизировал указ о смертной казни всех, кто сделает попытку «совершить исход на

Герб шведской Карелии.

Эскиз. Париж 1562.

Русь». В историографии время, при котором шаг за шагом оформлялась прочная, органически спаянная шведская империя на Балтийском море и в Карелии получила название «Эпоха величия»⁶. На землях Корельского уезда с 1634 по 1721 г. по примеру Trondhjems län, существовал Кексгольмский лен (Kexholms län) новая, территориально-административная единица Шведского королевства. Его северная часть состояла из погостов Сердобольского, Кирьяжского, Пиелисарви, Липери, Иломантси, Китее, Тохмаярви, Пялькярви, Суоярви, Суйстамо, Салми, Укуниеме, Йоукио и Тиурулцы. До 1635 г. Кексгольмский лен находился в управлении фогта, русского дворянина Р.Л. Лобанова и обладал своеобразной налоговой системой, не давал рекрутов в шведскую армию и не имел представительства в Риксдаге. В письме от 17 июня 1632 г. Однако Густав II Адольф рекомендовал на «прихваченных» восточных территориях срочно возводить новые города. Генерал-губернатор Иоганн Скутте и наместник Генрих Спор смогли только декларативно объявить об основании на месте полуразграбленной карельской деревни Келиемяляниеме, имеющей перевод «начало сухопутного торгового пути», городка Sordawall.

В реальности центр агломерации сформировался при королеве Христине, около 1643 г. После инициативы генерал-губернатора Ингерманландии Эрика Гюлленстерна Государственный Совет Швеции предоставил зарождающемуся городу привлекательные коммерческие привилегии, повелев заселяться не только шведским и финским первопоселенцам лютеранской веры, но и православным зажиточным карельским семьям. Это противоречит традиционному взгляду, что из-за «ассимиляторской политики»⁷ шведской элиты число православных в Приладожье значительно уменьшилось⁸. Между тем, «цивилизационное внедрение» продолжалось стараниями Перу Брахе, губернатора Ингерманландии и Кексгольмского лена, который в 1642 г. и в 1648–1654 гг. возглавлял Государственный Совет Швеции. Истеблишмент вёл борьбу с католиками и стремился объединить интересы протестантов и православных⁹. Чиновник высшего ранга называл карел и русских «идолопоклонниками» и «заблудшими», но настаивал не «радоваться бедам русских», а «извлекать из них урок»¹⁰.

Если прикоснуться к загадочной этимологии имени города, то по одной из версий Sordawall переводится как «власть черта». Неслучайно финское «sorta/sorda» соответствует русскому «чёрт», а «wall/valta» означает власть. Новый шведский город якобы возник благодаря монашескому освящению Валаама, после чего нечистая сила была изгнана со «Святого острова». Действительно, Sordawall отстраивался на окраине Швеции, как бы у «чёрта на рогах» или в русском понимании – «у чёрта

на куличках». К тому же в 1640-х гг., когда закладывался город, из Праги, в качестве трофея, вывезли сакральный фолиант XIII в. «Godex Gigas» («Библия Дьявола»). Ныне таинственная рукопись с полихромным изображением полутораметрового чёрта, хранится в Стокгольме, в фонде Королевской библиотеки Швеции¹¹.

Карта-схема Швеции, 1658

«Ломкая» конспирологическая связь между ладожским городом и нечислой силой в XX в. неожиданно проявилась ещё раз. Речь идёт о литографии американского художника Р. Кента, который в 1963 г. подарил художественный лист «Беовульф» Сортавальскому клубу любителей изобразительных искусств, ныне находящийся в собрании НМРК (КГМ-1277/3; КГМ-768 а, б). Герой древнейшей англосаксонской эпической поэмы «Беовульф», действие которой происходило в Скандинавии, в смертельной схватке сразил таинственное дьявольское чудовище и тем спас мирных людей.

Как бы там ни было, в 1651 г. собственником приладожской земли стал шведский дворянин Г. Банер, которому по наследству перешли владения отца, известного полководца Й. Банера. В королевстве продолжалась не только раздача дворянских и графских титулов, но и отчуждение участникам военных конфликтов, «коронных» и крестьянских «податных» участков. Новые дворяне становились владельцами неслыханных владений¹². Так, феодальная округа Sordawall, относимая к «свободной земле» (fralsejord – *М.Д.*), получила имя Сордвальское графство, а его жители были освобождены от налогов «шведской короне» за счёт повинности в пользу хозяина¹³. Фамильный герб дворянского рода Банеров был положен в основу городской печати и первого герба Sordawall. На геральдическом щите красного цвета, с доминирующей золотой короной, находились две скрещённые кавалерийские пики с синими флажками. Ниже изображались две согнутые в локте руки с мечом и пикой, напоминающие ключевой элемент шведского герба Карелии. Символика графства и города Sordawall причудливо совместила герб Банеров с изображением, отражающим борьбу Шведского королевства с Московским царством. Однако к 1680 г. графство прекратило существование. Ликвидация «автономии» связана с «большой редукцией», возвратом «короне» многочисленных владений¹⁴.

В годы русско-шведской войны 1656–1658 гг. шведский городок на короткое время отошёл под власть Москвы, но в 1661 г. Корельский уезд вместе с территорией графства вернулся шведам. В Приладожье стали возвращаться финны и карелы лютеранского вероисповедания. Среди захватывающих материалов, раскрывающих драматическую историю города, переходившего из рук в руки, посетители выставки «Sordwall. Сердоболь. Sortavala. Сортавала» впервые смогли увидеть две серебряные монеты риксдаальдер 1694 г. Голландской Республики и альбертусталер 1698 г. с косым бургундским крестом св. Андрея, испанских Нидерландов (КГМ- 9865/3, 9865/2).

Между тем, назревший конфликт России «с королевством свейским за учинённые обиды...»¹⁵, прервать оказалось невозможно. На начальном этапе Северной войны (1700–1721 гг.) произошло малоисследованное, но знаковое для истории Sordawall загадочное событие, которое сих пор вызывает научные дискуссии.

Речь идет о диверсионном рейде из «Нолонца» (Олонец – *М.Д.*) русских ополченцев новгородского воеводы П.М. Апраксина, брата Ф.М. Апраксина, главного «адмиралтейца» страны, и о неожиданном разгроме шведского города Sordawall. Двухтысячный сводный лыжный отряд с волокушами и артиллерией, по торосам Ладожского озера в составе 1300 пехотинцев и 700 кавалеристов совершил дерзкий 150-километровый марш к дальнему «свейскому рубежу»¹⁶. Скорее всего, тактику «летучего» наскока и быстрого отхода в тыл П.М. Апраксин позаимствовал у шведского генерал-майора А. Крониорта, чей шеститысячный корпус хозяйничал на обширной территории Карелии и Ингерманландии¹⁷.

Не доходя сорок верст до города, русские «с марша» атаковали позиции двух шведских полков, в которых, по показаниям пленных, находилось до шестисот солдат и офицеров. В бое неприятель потерял до трёхсот человек убитыми и свыше пятидесяти человек пленными, остальные ретировались¹⁸. «Королевский» городок с «магистратом, бургомистром и ратманами», а также «гражданскими и судебными чиновниками и представителями духовенства» за несколько дней до основания был разграблен и сожжен. Чудом сохранился любопытный «бытовой» документ, повествующий о захвате Sordawall, который в 1932 г. опубликовал финский исследователь U. Karttunen¹⁹. На русском языке фрагменты свидетельства безымянного очевидца приводятся впервые. Даже «пастор Андреас Ахоскиус ... попал в плен» и по закону победителя «был казнён», а мирные жители в страхе «бежали в малые деревни и хутора, в сторону Туокслаhti». Только осенью 1706 г. «горожане начали возвращаться», а Sordawall, после «большой вражды» превратился в маленькое «торговое село».

На выставке «Sordwall. Сердоболь. Sortavala. Сортавала» было принято решение представить раритетные предметы вооружения и снаряжения, которые П. Апраксин в 1705 г. мог использовать в «озёрном» рейде. Это ледоходные шипы для передвижения по льду (КГМ-5570, 55452), картечь, которая вместе с порохом засыпается в ствол орудия (КГМ-36707/153, В/Х 4650/1–6), фрагмент чугунного трёхфунтового ядра (КГМ-36707/47), ядро пушечное однофунтовое (КГМ-36707/198).

То же самое можно сказать о штыке – багинете с трубкой для фузеля (КГМ-6010) и драгунском палаше западноевропейского образца с астральным орнаментом, схожим с клеймом П. Мунка фирмы «Solingen», который поступил в фонды музея в 1932 г. из собрания Государственного Эрмитажа (КГМ-39298).

После завершения Северной войны территория Приладожья полностью вошла в состав Российской империи, но шведы ещё долго испытывали перед русскими страх. Царь Петр отвоевал не только отторгнутые территории, но присоединил пограничные земли Эстляндии и Лифляндии. Считается,

что шведский городок на Ладогe был переименован в августе 1710 г. Но, скорее всего, название Сердоболь утвердилось после Ништадтского мирного договора, когда местечко с населением в тридцать жителей реально оказалось в империи. Укажем, что в восьми погостах округи в первой четверти XVIII в. проживало около 15000 крестьян, которые исповедовали лютеранство, и в Сердоболе не существовало ни одного православного храма. В деревушке Руйсселькя, напротив города, в 1732 г. была возведена новая лютеранская кирха с кафедрой из цельного ствола дерева. Даже в 1785 г. академик Н.Я. Озерецковский отмечал, единственная «российская церковь» находится «в двух верстах от города» и «надобно туда ездить из города». Хотя «церковь ... ветха» и при ней «живут только священник и дьячок», прихожан «довольно много ... 660 человек мужеского да 580 женского пола». Но «кареляки ... по-российски не разумеют», поэтому священник «толкует ... церковную службу на их языке», к тому же «печатных церковных наших книг ... не имеется»²⁰. Храм апостолов Петра и Павла был выстроен на мысу Киркониemi по распоряжению городничего Федора Морского. К западу от центра Сердоболя, на горе Кисамяки («гора игрищ» – *М.Д.*), по проекту Ю. и М. Салонен в 1801 г. возвели новую лютеранскую кирху, рассчитанную на две тысячи прихожан. Представляет интерес, что Рускеальский приход в 1727 г. оказался в частном владении А.Б. Бутурлина, «птенца гнезда Петрова», который совершил головокружительную карьеру. Любимый денщик царя, будущий граф и генерал-фельдмаршал, в 1714 г. начинал карьеру солдатом гвардии, через пять лет учился в морской академии, а в 1760 г. занял пост градоначальника Москвы²¹.

Необходимо отметить, что в последующие годы судьба Сердоболя не была безоблачной. В 1742–1743 гг. город сожгли шведские захватчики. В 1743 г. после Абосского договора русский Сердоболь начал возрождаться и через год вошёл в состав Кегсгольмской провинции Выборгской губернии. Однако здесь сохранялись шведские законы, церковное управление, судебная и налоговая системы, а шведский язык по-прежнему являлся официальным. 26 июля 1760 г. императрица Екатерина II подписала указ о возвращении Сердоболу городского статуса, и в 1784 г. он превратился в центр обширного уезда, земли которого охватывали почти всё Северное Приладожье. В городе администрация обустроила таможенную избу, а на о. Сканцхольм (Скантсинсаари – *М.Д.*), в заливе Ляппярви, разместила небольшой армейский гарнизон. По докладу Сената «О гербах городов Рижской, Ревельской и Выборгской губерний и некоторых городов Олонецкого наместничества» Екатерина II 4 октября 1788 г., пожаловала Сердоболу новый герб. Символика вновь напоминала геральдическую эмблему рода Банеров: «в голубом поле на золотых древках красные знамена, положенные крестообразно».

На рубеже XVIII–XIX вв. Рускеальский приход находился в личной собственности графини А.А. Орловой-Чесменской. С этого времени гранит (КГМ-872/3,4, 12513, 56231)²² и декоративный камень стали активно использоваться при строительстве имперского Санкт-Петербурга. По воде, о чём свидетельствуют листы парижского альбома Монферана, с 1776 г. стали вывозить глыбы белого и серого рускеальского мрамора²³, из которого в Екатерининском парке Царского села, по проекту А. Ринальди, воздвигли триумфальный обелиск в честь победы над турецким флотом в Чесменской бухте. Ещё ранее, в 1765 г. вблизи Сердоболя, на острове Ювень в Ладожском озере, начались промышленные мраморные ломки. Позже в столице, архитектор В. Бренна использовал сердобольский мрамор Рускеалы для украшения Михайловского замка и памятника Петру I²⁴. Отметим, что местечко Рускеала, расположенное у подножья мраморной горы, на левом берегу р. Русколки (Тохмайоки – *М.Д.*), впервые упоминается в 1500 г. в «Переписной окладной книге Водской пятины». Название села на тракте от Сердоболя в Иломантси, скорее всего, произошло от карельского слова «*guskea*», означающего «коричневый» и связано со скалами тёмно-рыжего цвета.

В 1811 г. Сердоболь «влился» в состав Великого княжества Финляндского, центром которого по указу Александра I стал Гельсингфорс. На музейной выставке можно было увидеть бронзовую медаль с профилем Александра I «1812/Славный годь/сей минул/но не пройдуть/содеянные в/нёмь подвиги/1912» (КГМ-37077). Через два года Комитет по организации Выборгской губернии Российской империи внёс изменения в изображение герба, добавив по ленте к двум пикам, хотя в 1817 г. император возвратил городу первоначальную символику. В гербе Сердоболя появились старинные геральдические элементы – две руки с мечом и стрелой, между которыми размещались скрещенные пики из эмблемы рода Банеров. Фон щита при этом оставался красным, а пики с золотыми флажками – синего цвета.

В середине XIX в. Сердоболь попал в поле зрения представителей семьи Елисеевых, создавших в 1858 г. торговый дом «Братья Елисеевы» и учредивших Русский Внешнеторговый банк. Меценаты Григорий и Степан (Стефан) Елисеевы пожертвовали значительный вклад «на вечное поминовение» в сердобольский храм Николая Чудотворца, перестроенный в 1873 г. архитектором Н.П. Гребенко. На средства торговцев закупалось «деревянное» (оливковое – *М.Д.*) масло, церковное вино, а вскоре «в пользу» церкви был отписан ещё и купеческий дом. В 1874–1885 гг. совладелец семейного бизнеса, председатель правления С.-Петербургского частного коммерческого банка и С.-Петербургского учётного и ссудного банков тайный советник А.Г. Елисеев в Сердоболе на углу улицы Йоханнескату основал русскую православную школу «Анны и Сергия».

Представляет интерес и другой сюжет, связанный со строительством первой «Карельской железной дороги». В 1872 г. депутаты Финляндского Сейма впервые поставили вопрос о железнодорожной магистрали Сердоболь – Антреа, к сооружению которой строители приступили в 1890 г. Через четыре года вошли в строй 133 км трассы Сердоболь – Йёэнсуу, включая двухкилометровый участок к порту. Однако только в 1914 г. состоялось окончательное соединение Приладожья с железнодорожной сетью Российской империи.

На выставке посетители, помимо «Квитанции ст. Сортавала, Финляндской ж/д» от 14 октября 1912 г.²⁵, смогли познакомиться с другими подлинными уникальными документами из фондов Регионального музея Северного Приладожья. Это «Правило бюджетной палаты г. Сортавала», отпечатанное в Выборгской типографии «Ostra Finlands» в 1876 г.²⁶, «Сборник постановлений № 1 Великого княжества Финляндского» от 13 января 1915 г.²⁷ и «Заёмное (долговое) письмо Юхана Нятинена» фирме «Братья Репьянен» от 10 октября 1904 г.²⁸

Безусловно, внимание посетителей привлекла коллекция банкнот (КГМ-29032, 29033, 29035, 29036) и монет²⁹ Великого княжества Финляндского, относящаяся к 1862–1917 гг. и независимой Финляндии 1918–1940 гг.

Новая эпоха Сердоболя связана с октябрьскими событиями в Петрограде и публикацией 6 декабря 1917 г. в Гельсингфорсе обращения Сената «Suomen Kansalle» («К народу Финляндии» – *М.Д.*). Копии этих документов также экспонировались на выставке НМРК. «В полном согласии с признанием наций на самоопределение» за подписью комиссаров В. Ленина, Л. Троцкого и И. Сталина 18 (31) декабря 1917 г. появилось постановление СНК, в котором признавалась юридическая независимость Финляндской республики. Сердоболь получил имя Sortavala и превратился в «чисто» финский город. Герольдмейстер А. Гранфельт предложил обновленный герб города с флажками на пиках красного цвета, с белыми треугольниками у древка и золотыми шнурами. Стилистика герба не нарушила, а, наоборот, почеркнула символику графского рода Банеров.

В 1918 г. в независимой Финляндии рождаются военно-воздушные силы, эмблемой которых утверждается голубая свастика в белом круге. Символ позаимствован у шведского графа Эрика фон Розена, который поместил это изображение на борту личного самолета, подаренного К.Г. Маннергейму. Тогда же в районе города Sortavala Генштаб организовал первую авиабазу Финляндии с самолетами фирмы «Ханса – Бранденбург». После подавления «красной революции» в Финляндии и до окончания первой советско-финляндской войны 1918–1920 гг. самолеты авиабазы обеспечивали круглосуточное патрулирование границы с РСФСР.

В целях предотвращения боевых действий на воде, весной 1918 г. в Ладожское озеро из Кронштадта командование перевело 12 миноносцев и сторожевых судов Балтийского флота. В составе эскадры оказалась дизельная подводная лодка класса «Вепрь», спроектированная в 1913 г. известным конструктором П.А. Яньковым. Любопытно, что на протяжении всей навигации 1918–1919 гг. базой подлодки служили озёрные шхеры у города Sortavala. Между тем, в июле 1918 г. Генштаб финской армии предложил перенести финскую границу на Карельском перешейке, включая район Sortavala, в обмен на территорию в Северо-восточной Карелии. План финского генерал-майора К.Ф. Вилькмана (Вилкмаа) одобрил Э.Ф. В. Людендорф – командующий германской армии в годы I Мировой войны. На выставке посетители впервые смогли увидеть подлинный экспонат, памятную медаль E.F. Wilhelm Ludendorff (1865–1934) (КГМ-1029).

В начале XX в. в Сердоболе продолжали формироваться культурные и исторические традиции, связанные с восстановлением самосознания финского народа, получил рождение своеобразный архитектурный стиль. Символами надёжности и незыблемости города до сих пор являются архитектурные шедевры выдающихся финских мастеров, созданные в первой четверти XX в. Это здание бывшего издательства духовной литературы «Risti ya Raamattu» архитектора В. Леандера, женская гимназия архитектора Ю.Я. Аренберга, здание Финского Банка и бывшего Объединённого банка Северных стран архитектора У.В. Ульберга, Управление православной церкви Финляндии и церковь св. Иоанна Предтечи, возведённые Ю.О. Вийсти, дом купца Сиитонена архитектора П. Утила. Лицом города по-прежнему являются «дом Туркана» и бывшая гостиница «Сеурахуоне» архитектора Э. Хуттунена, дом «Карьялан Раута» братьев Кивиных Г. Сохлберга, «дом Вегелиуса» архитектора Ю.А. Васкинена, здание городской Ратуши Ф.А. Съёстрёма, а также дача Г.Й. Винтера, возведённая в живописном месте Тарулинна архитектором Э. Сааринен.

В 1920 г. жители Sortavala гордились хорами Учительской семинарии и Лицея, в городе действовало Музыкальное общество с духовым оркестром. В парке Ваккосалми существовало уникальное Певческое поле с прекрасной акустической сценой, смотровой башней на горе Кухавуори и кафе «Lotta». В июне 1926 г. в Sortavala состоялись грандиозные торжества, которые открывал президент Финляндии Лаури К. Реландер. Через десять лет в июне 1935 г. город на берегу Ладожского озера принял в последний раз праздник песни, организованный Фондом приграничной Карелии, посвященный 100-летию со дня первого издания эпоса «Калевала». Выдающееся событие продемонстрировало, что карельский и финский народы имеют высокую культуру, берущую начало с древнейших эпох, когда рождались руны карело-финского эпоса.

Не случайно 20 июня 1935 г. в Sortavala в торжественной обстановке был открыт памятник карельским рунопевцам, выполненный А. Сайло и У.В. Ульбергом. На музейной выставке посетители увидели редкое издание «Калевала (Финская народная эпопея)» для юношества, пересказанная Э. Гранстем (КГМ-24312), бронзовую памятную медаль «Kalevelanayttely/Gallen/Kallelan myistonayttely Helsingissa/1935», посвящённую 100-летию юбилею первого издания эпоса «Калевала» (КГМ-13755), а также медный барельеф «Калевала» 1934 г., полученный от семьи Виролайнен и поступивший в музей в 1947 г. (КГМ- 57708).

Предметный ряд сопровождался редким киносюжетом «Праздник 100-летия издания эпоса «Калевала» в г. Сортавала», который в 1935 г. подготовили финские документалисты. Кроме того, гости смогли увидеть подлинные документы из фондов Регионального музея Северного Приладожья, которые касались развития народного образования в послевоенной Sortavala. Это объявление «Вступительные задачи по математике Сортавальской семинарии» 1926 г.³⁰, пригласительный билет «Вечер в Сортавальской женской школе в субботу 13.11.1926 г.»³¹, а также бланк «Выпускной аттестат Сортавальской семинарии» 1932–1935 гг.³²

И всё-таки одной из самых нелицеприятных страниц в биографии Сортавала и истории отношений Финляндии и Советского Союза оказался «развязанный» в 1939 г. кровавый конфликт. В этом смысле символичен барельеф «борец и медведь» на аверсе настольной медали «Suomenen Painiliitto»/15 16/3 1938 г. из собрания НМРК (КГМ-37160).

Советско-финляндская война, названная А. Твардовским «не знаменитой», началась спустя три месяца, после «вспыхнувшего» пожара II Мировой войны. И хотя бои длились меньше полугода, они унесли сотни тысяч жизней. Красная армия к марту 1940 г. захватила значительную часть восточной территории сопредельного государства³³. На выставке посетители увидели подлинные предметы «с двух сторон». Финский нож с ножнами (КГМ-25818/1, 2), поясной ремень солдата финской армии (КГМ-54288), а также серебряный нагрудный знак № 12626 члена женской военизированной организации «Lotta Svärd» («Меч Лоты») (КГМ-20462). Эта организация существовала в Финляндии с 1918 по 1944 гг. и получила название в честь героини из поэмы XIX в. «Сказания прапорщика Столя» поэта Й.Л. Рунеберга, которая после гибели мужа на русско-шведской войне 1808–1809 гг. ушла на фронт и стала ухаживать за ранеными солдатами.

Между тем, к безусловным раритетам следует отнести очки и планшет армейского пилота А.Н. Яковлева (КГМ-5004, 5005), получившего в 1940 г. звание героя Советского Союза, пропуск красноармейца В.Н. Васильева на право проезда в 1940 г. из Финляндии на территорию СССР (КГМ-52837), а также фотоаппарат героя Советского Союза, лётчика-истребителя П.Г. Пет-

рова (КГМ-443). Привлѣк внимание также портфель советского и финского революционера А.П. Тайми (КГМ-6038), который после окончания советско-финляндской войны в мае 1940 г. вместе с Т. Антикайненым был освобождѣн из финской тюрьмы и передан советскому правительству. После завершения войны «отбитая» у финнов Sortavala вошла в состав СССР. Однако коренное население, по некоторым оценкам – до 95%, ещё в ходе сражений оставило обжитые места и ушло за границу. Послевоенная Сортавала походила на пустыню, но постепенно стала оживать. Город заселялся русскими, украинскими и белорусскими переселенцами, высланными эстонцами, а также уцелевшими от репрессий «красными» финнами.

Прошло менее года, и летом – осенью 1941 г. солдаты Красной армии в ходе ожесточѣнных боев начавшейся Великой Отечественной войны вынужденно покинули город. С отходом войск началась изматывающая эвакуация русского мирного населения в восточные районы советской России. Юг Карелии на несколько лет оказался под властью финской администрации, а бывшие горожане с середины августа 1941 г. начали возвращаться и восстанавливать разрушенные здания Sortavala. В условиях военного времени финское население прифронтового города быстро приспособилось к ритму мирной жизни, что невозможно сказать о жителях столичного Петрозаводска переименованного в Äänislinna, Олонца и Медвежьегорска, крупнейших городов Карело-Финской ССР, изнывающих от оккупации. На выставке было представлено немало любопытных материалов, относящихся к этому времени. Кроме финского киножурнала «Katsaus. Journal. Sortavala» № 7 с хроникой боѣв в августе 1941 г., а также фотографий, сделанных в 1941–1944 гг. («Разрушенный город», «Тяготы эвакуации», «Баннный день в финской армии», «Смотр войск в центре города» и др.) выделялись подлинные рисунки освобождѣнной Сортавалы 1945 г., выполненные известным карельским композитором Г.Н. Синисало (КГМ- 29604, 29606–29608).

Баннный день в финской армии 1941.

Монета, реверс. Альбертусталер.
1698. Испания. Нидерланды.
КГМ-9865 2.

Изображение оттиска печати города Сордавалла
Конец XVIII в.

Оттиск печати г. Sordwall.

Современный герб г. Сорта-
вала.

В герб г. Сортавала, утвержден 28 декабря 1991 г. В государственный геральдический реестр РФ герб внесен в 1996 г.

Однако последствия лихолетья, при которых исторический город на северном берегу Ладоги дважды в течение четырех лет XX в. менял название, а жители три раза уходили и возвращались, не могут пройти бесследно и «подспудно» ощущаются до сих пор.

Конечно же, внимание посетителей привлёк музыкальный инструмент – поперечная флейта (КГМ-18610), с которой артист в составе концертной бригады филармонии в годы войны выступал на Карельском фронте перед бойцами Красной армии, а также его рукописные ноты 1942 г. на песню «Гвардейская» (КГМ-18609/1).

Только после разрыва отношений с фашистской Германией и перемирия с СССР от 19 сентября 1944 г. город Сортавала вновь стал советским. Финские жители, теперь уже навсегда, покинули насиженные места, а опустевший город в который раз «накрыла волна мигрантов». Начался этап многотрудного становления и захватывающего экономического и культурного обустройства новой Сортавалы.

- ¹ Стационарная выставка «Sordwall. Сердоболь. Sortavala. Сортавала». Автор научной концепции и архитектурно-художественного проекта н. с. НЭО НМРК М.Ю. Данков. Выставка экспонировалась в НМРК с 29 ноября 2015 г. по 11 января 2016 г.
- ² *Сакса А.И.* Древняя Карелия в конце I – начале II тысячелетия н.э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб., 2010. С. 35.
- ³ *Шахнович М.М.* Мезолитическое поселение Киркколахти в Северном Приладожье (результаты работ 2005–2006 гг.) // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене. М., 2007. С. 163–181.
- ⁴ *Кочуркина С.И.* Древнекарельские городища эпохи средневековья. Петрозаводск. 2010. С. 118–121.
- ⁵ *Сакса А.И.* Древняя Карелия ... С. 141, 162.
- ⁶ *Страунский Д.* Швеция. М., 1940. С. 14.
- ⁷ *Базарова Т.А.* Сбор сведений о неприятеле русской и шведской армиями во время военных действий в Приневье (нач. XVIII в.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2006. С. 50.
- ⁸ *Кенсу С.* Петербург до Петербурга: История устья Невы до основания города Петра. СПб., 2000. С. 104.
- ⁹ *Поринев Б.Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в неё Швеции и Московского государства. М., 1976. С. 182.
- ¹⁰ *Tarkiainen K.* De ryska «nationalegenskaperna» enligt svensk uppfattning i början av 1600-talet // SSSLF. 456. Helsingfors, 1973. P. 44–47.
- ¹¹ Другая лингвистическая версия Я. Грота, связана с этимологией слова «sortawa», означающего «рассечение» и указывает, что залив Вакколахти Ладожского озера, действительно делит город на две части.
- ¹² *Вейбуль Й.* Краткая история Швеции. Стокгольм, 1997. С. 34.
- ¹³ *Страунский Д.* Швеция ... С. 14.
- ¹⁴ Там же. С. 15–17.
- ¹⁵ *Петров А.В.* Город Нарва, его прошлое и достопримечательности. СПб, 1901. С. 184.
- ¹⁶ *Пулькин М.В.* Карелия в русско-шведских войнах XVIII в. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2005. С. 46.
- ¹⁷ *Сорокин П.Е.* Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. 700 лет поселению на Неве. СПб., 2001. С. 81.
- ¹⁸ *Пулькин М.В.* Карелия в русско-шведских войнах XVIII в. ... С. 46.
- ¹⁹ *Karttunen U.* Sortavalan Kaupungin historia. Sortavala, 1932. С. 57–59. Автор выражает признательность историку А.М. Пашкову за предоставленную информацию и искренне благодарит А.А. Пашкову, за перевод на русский язык фрагмента текста монографии.
- ²⁰ *Озерецковский Н.Я.* Путешествие по озёрам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск. 1989. С. 75.
- ²¹ *Капуста Л.И.* Марциальные воды. СПб., 2006. С. 53, 70.
- ²² ВХ 4648/1, ВХ 4648/12 (собрание Регионального музея Северного Приладожья). Образцы гранита рапакиви и гранита с островов Германа и Путсаари, а также из месторождения Риеккалансаари и др. были представлены на выставке.
- ²³ КГМ 341/1, 15974, 18758, 4849, 872/3. На выставке также экспонировались образцы белого, серого, белого с чёрной прожилкой мрамора Рускеальского месторождения а также гранито-гнейсы.
- ²⁴ *Борисов И.Б.* Рускеальские каменоломни // Дорога горных промыслов. Петрозаводск. 2014. С. 129.
- ²⁵ ВХ 4647/4 собрание РМСЦ.

²⁶ ВХ 4647/9 собрание РМСП.

²⁷ ВХ 4647/10 собрание РМСП.

²⁸ ВХ 4647/3 собрание РМСП.

²⁹ КГМ 334/180; 414/378, 384, 385, 402, 441; 7723; 73315/4, 13, 30, 36, 42, 57, 60, 71, 81, 97, 100, 118, 122, 129, 133; 73482–73484; 73489; 73491.

³⁰ ВХ 4647/7, собрание РМСП.

³¹ ВХ 4647/8, собрание РМСП.

³² ВХ 4647/5, собрание РМСП.

³³ *Веригин С.Г.* Зимняя война: Неизвестные страницы // Север. 1993. № 6. С. 118–131.